

ТЕАТРЪ и МУЗЫКА.

Режиссеръ Озерковского театра г. Звѣздичъ имѣлъ мужество выступить въ печати съ „письмомъ въ редакцію“, въ которомъ „знакомить публику и товарищей“ съ отношеніями представителей извѣстнаго сорта прессы къ сценическимъ дѣятелямъ. Письмо это напечатано въ журналѣ „Театръ и Искусство“.

Г. Звѣздичъ заявляетъ, что въ режиссируемую имъ труппу была приглашена, помимо добровольнаго желанія антрепренера, „на солидный окладъ“ нѣкая актриса г-жа Тонская, „не обладающая никакими данными для того, чтобы занимать отвѣтственное положеніе въ серьезномъ театральномъ дѣлѣ“.

Претензіи-же г-жи Тонской были немощны. Достаточно сказать, пишетъ г. Звѣздичъ, что подъ рукой мнѣ было заявлено о томъ, чтобы ее ставили въ красную строку и, конечно, одной мысли объ этомъ достаточно было, чтобы вызвать негодованіе всей труппы. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ приглашеніе артистовъ зависитъ не отъ меня, я былъ поставленъ въ необходимость занимать ее въ спектакляхъ и послалъ ей двѣ роли въ „Контролерѣ спальныхъ вагоновъ“ и „Двухъ Подросткахъ“. Впечатленіе было крайне тягостное, и я еще разъ убѣдился, что выпустить г-жу Тонскую на сцену въ сколько либо серьезномъ репертуарѣ невозможно. вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣми было обращено вниманіе на то, что въ этотъ предварительный, такъ сказать, періодъ пререканій, театр „Озерки“ неуклонно и систематически замалчивался въ „Пет. Листкѣ“.

Наконецъ, произошелъ, говоря любимымъ репортерскимъ словечкомъ, „инцидентъ“, т. е. просто-на-просто, небывалый, а, если и бывалый, то до сихъ поръ не доводившійся до свѣдѣнія публики, газетно-литературный скандалъ.

Въ Озерковскомъ театрѣ должна была идти драма г. Южина „Старый закалъ“. Но пусть дальше рассказываетъ г. Звѣздичъ:

Распредѣляя роли, я отдалъ роль Людмилы г-жѣ Грановской, артисткѣ безусловно способной и вполне для этой роли пригодной. Тогда г-жа Тонская, вызвавъ меня на площадку театра, публично обозвала меня „нахаломъ“, грозила, что она со мной расчитается и пр. Признаться, я не придавалъ этимъ угрозамъ никакого значенія. Но когда на слѣдующій день редакторъ „Петербургскаго Листка“ г. Скроботовъ прислалъ черезъ управляющаго театромъ, г. Зельцера, редакціонный билетъ для входа въ театръ, разорванный пополамъ, когда въ то же время я сталъ слышать угрозы, что насъ съѣдятъ или, по любимому выраженію этой редакціонной семьи“, у „всѣхъ пойдетъ кровь горломъ“, если г-жу Тонскую не примутъ обратно въ труппу и не дадутъ ей вести весь репертуаръ,—тогда я сталъ серьезно опасаться послѣдствій и хотѣлъ уйти изъ труппы. Но г. Казанскій моей отставки не принялъ. Опасенія оправдались. Послѣ періода упорнаго замалчиванія, черезъ г. Зельцера стало извѣстно, что г. Скроботовъ обѣщалъ прислать г. Россовскаго, своего рецензента, который, очевидно, посылается въ нужныхъ случаяхъ, такъ какъ „въ средствѣхъ не стѣсняется“. Передъ спектаклемъ я встрѣтилъ г. Россовскаго и изъ разговора съ нимъ убѣдился, что инструкціи имъ получены надлежащія. По крайней мѣрѣ, предваряя меня о томъ, что онъ будетъ „ругать“, г. Россовскій, какъ бы смягчая пиллюлю, прибавилъ: „по долгу службы“. Дѣйствительно, во вторникъ 22-го іюня, въ „Петербургскомъ Листкѣ“ появилась возмутительная по лживости и крайнему пристрастію рецензія, написанная тѣмъ пошлымъ и близкимъ къ языку лакейщины слогомъ, который является отличительной чертой этого „по долгу службы дѣйствующаго рецензента“. Приемъ былъ прекрасный—написано, что пьеса прошла безъ хлопковъ. Театръ почти полонъ—начертано: „сборъ приличенъ“. Въ числѣ режиссерскихъ „промаховъ“ указаны керосиновыя лампы „системы доктора Лаврентьева“. Такова система „Петербургскаго Листка“.

Мы пока ограничимся только вопросомъ: неужели все рассказанное г. Звѣздичемъ— правда?